

Притязания японцев на русский Сахалин.

Вне извещения до николаевских событий, которые выставляются теперь японскими дипломатами, как причина захвата Сахалина, японское императорское правительство решало аннексировать Сахалин. Что это вовсе не является основанием на фактах и не является лишь результатом «неприязненного» отношения к японским милитаристам, будет доказано нижеследующим:

Летом, 1919 года большая группа японских «биологов» и «ботаников» была послана на Сахалин с целью «научного» исследования острова. Характерно для этого «исследования» то, что научные «сотрудники» японского правительства, главным образом, находились в районе угольных шахт и единственной, но большой и сильной развостанции на Сахалине. Другая же часть этих «ученых» пробралась на восточный берег Сахалина, где тогда же японцы стали искать нефтяные колодези.

В январе 1920 г., когда колчаковщина была свергнута по всей Сибири, и счастью на русском Дальнем Востоке, и когда, наконец, в средние числа января небольшая группа колчаковцев в лице контр-разведки и милиции была также свергнута и на острове Сахалине, а власть была взята вышедшими из тюрьмы политическими заключенными и частью местной революционной интеллигенции, — японское правительство решило, что тогда как раз и наступило время для захвата острова.

Обращая внимание читателей на даты.

Николаевские события происходили в июне 1920 г., а подготовительную кампанию для захвата Сахалина японцы начали проводить уже в декабре. Раньше всего немедленно после свержения колчаковщины на Сахалине, в японской прессе, на основании правительственных сообщений, стали усиленно распространяться слухи о всякого рода злодеяниях, совершаемых властью в Александровском Военту (город на Сахалине), большевиками. И несмотря на то, что на Сахалине при перевороте не было провозглашено ни одного выстрела, т. к. колчаковская группа и не думала сопротивляться, а была рада, когда ее лишь водворили в дом заключения, японская пресса в Огаро и Мокотоме, на основании всех тех же правительственных сообщений, перешла к «мертвам» во время переворота среди рус-

ских белогвардейцев и... японских резидентов. Жизнь же на Сахалине эти «осведомители» изображали в виде анархии. Муссировались слухи, что большевики вынуждены из тюрьмы уголовных каторжан, которые творят бесчинства над населением.

Мы, бывшие в то время на Сахалине, обо всем этом узнали через пару недель, когда один из японских резидентов, бывший консул на Сахалине, гр. Такамура получил японские газеты и передал нам об этом.

Зная на основании опыта (высадка первого японского десанта во Владивосток весной 1918 г.), что подобные «сообщения» делаются интервентами, как предварительный шаг для создания повода к захвату намеченной или территории, мы немедленно стали рассылать разведки, опровергать эти провокационные сведения, а губернатору японского правительства на южном Сахалине, министру иностранных дел Утиды и военному министру Японии послали по телеграфу ноту (телеграфная связь с южным Сахалином у нас была) о том, что на Сахалине перемена власти произошла без малейшего кровопролития, т. к. белогвардейцы колчаковцев не на кого было опираться из-за отсутствия на Сахалине интервентских войск, и что японские резиденты, которых на Сахалине всего исчисляется 40 семейств, находятся в полной безопасности, и их дальнейшую безопасность мы, революционный комитет, гарантируем.

Никакого ответа от японских властей на нашу ноту не получили. И тогда же мы это молчание истолковали, как злобный признак.

Но японское правительство не только не пожелало ответить нам, чтобы не отрезать себе этим возможность продолжать свою кампанию за захват Сахалина, но, наоборот, чтобы угрожать опасности его резидентам, оно также не приняло в соображение телеграфного сообщения самих резидентов с гр. Такамура во главе о том, что они находятся в полной безопасности, и что распространяемые по Японии ложные слухи могут испортить отношение к ним русского населения.

Наоборот, после этих шагов с нашей стороны японская джунгоистская пресса, пользуясь правительственными «источниками», стала давать еще более

жизни и провокационные сведения об «анархии» на Сахалине.

Наконец, когда общественное мнение в Японии было достаточно подготовлено, японское правительство двинуло из порта Отомо на Сахалин в середине февраля 1920 г. два броненосца «Микасо» и «Мияшима» с 1.600 солдат и 400 лошадей.

В это время года достигаться по Татарскому проливу почти невозможно, но японское командование, получив боевое задание прорваться, сделало это с помощью ледокола.

Сделать высадку десанта японцам все же в этот раз не удалось по двум причинам: во-первых, это было сопряжено с большими физическими трудностями и опасностями, а, во-вторых, не было еще достаточно одутательных поводов, чтобы можно было рисковать жизнью многих солдат при высадке, и не вызывать этим возмущение в самой Японии.

Но переговоры, которые небольшая делегация, прибывшая на лодках с «Микасо», вела с Революционным Комитетом Сахалина, явно показывали, с какими намерениями японцы прибыли в такое «неудобное» для плавания время на Сахалин.

Японская делегация, за несколько дней своего пребывания на острове, тщательно отыскивала факты, которые свидетельствовали бы о беспорядках на Сахалине и о возможной опасности для японских резидентов в будущем, но им ничего не удалось отыскать.

И, несмотря на эти полученные уж кажется из первых рук сведения, японское

правительство продолжало свою провокационную кампанию. В конце февраля жертвами этой провокации пали японские рабочие, находившиеся в то время на восточном берегу Сахалина, на нефтяных раскопках. Агенты Японии распространили слух, что партизаны и вынужденные из тюрьмы уголовные пробравшись из тайны Николаевска и западного берега Сахалина на восток, с тем, чтобы ограбить японских рабочих. Несмотря на неопределенность этих сообщений, рабочие, не зная ни географического положения острова, ни тех способов передвижения, которые имелись у партизан, поверили им и бежали на японскую границу на южной части Сахалина. В время этого бегства зачленило около ста рабочих. Это послужило новым поводом для японцев подняться с необходимостью высадки десанта на Сахалин.

И, действительно, броненосцы «Микасо» и «Мияшима», уйдя обратно с Сахалина, стали в двух днях плавания от него в порту Отомо и ждали дальнейших событий в полной боевой готовности.

Это произошло за 3 месяца до николаевских событий.

И если японское правительство уверяет, что оно захватило Сахалин, как компенсацию за николаевские события, то что в данном случае так же жмет, казалось, когда заявляло, что остается нерешенным Дальний Восток из-за угрожающей опасности со стороны Германии или для защиты чехов от красных партизан.

Г. ВОЙТИНСКИЙ.